

Программа телеканала НТВ «Ночной разговор»

от 28 февраля 1999 года.

Ведущий Евгений Киселев

Е. Киселев: В минувший четверг президент Ельцин после встречи с премьером Примаковым неожиданно вышел к журналистам и заявил, что Примаков останется на посту главы правительства до 2000 года. Егор Тимурович! Мы пригласили Вас не случайно, поскольку Вы один из тех немногих людей, которому в свое время приходилось многократно общаться с глазу на глаз с президентом, кто не понаслышке знает, что такое быть главой правительства у Ельцина. Как Вы трактуете эту сцену, которая предстала перед взором телезрителей в четверг вечером на всех каналах? Ваше объяснение.

Е. Гайдар: Во-первых, мы неизбежно здесь находимся в области гипотез. Ни я, ни Вы не были на этой встрече, не слышали, что говорили друг другу Борис Николаевич Ельцин и Евгений Максимович Примаков. Тем не менее, у меня есть некая гипотеза по этому поводу. Видите ли, когда Ельцин в сентябре месяце предложил Примакова в качестве премьера, он тем самым в очень большой степени ограничил свои реальные президентские полномочия. Что ему, даже немолодому и отнюдь не слишком здоровому, не нравится. Второе. Насколько я понимаю Бориса Николаевича, один из важнейших вопросов, который его сейчас волнует, это вопрос о преемственности. О том, а что, собственно, будет после 2000 года? А кто дальше поведет Россию? И опять же, если я правильно его понимаю, у него есть свое мнение по этому поводу. Мнение, может, не в пользу человека А, Б или В, а по типу этого человека. Мы обсуждали это дело с Борисом Николаевичем неоднократно, и, если я его правильно понимаю, у него есть представление, что в 21 век Россию должен ввести человек другого поколения. Не поколения, которое все опутано реалиями, установками, традициями советской эпохи. Поколения, которое смотрит вперед, а не смотрит назад. Короче говоря, не кем-то из тех, кто с удовольствием слушает «Старые песни о главном», а кем-то из тех, кто хочет идти в 21 век. Вот это, мне кажется, у него довольно твердое убеждение. Он видит, как из Евгения Максимовича Примакова достаточно быстро лепят ему преемника. (В независимости от того, хочет Примаков, или нет). Если я правильно понимаю Ельцина, то это не может не вызывать у него крайне серьезного неприятия. Я бы прочитал то, что сказал Ельцин так: «Мы работаем с Примаковым до 2000 года. После этого страну поведет кто-то другой.»

Е. Киселев: А как действующий политик и человек, у которого, наверное, есть свои надежные источники информации, как Вы сами строите свою политическую деятельность? Исходя из того, что Примаков будет (неважно, что он сейчас говорит) участвовать в президентских выборах, или нет?

Е. Гайдар: Я считаю, что Примаков потенциальный участник президентской гонки. Вне зависимости от того, что он говорит, и даже думает сейчас. Но у меня чуть-чуть другое отношение к этому. Я очень хорошо знаю, как быстро меняются политические реалии в России. Я очень хорошо помню, что в августе 1998 года, полгода тому назад, не было такого кандидата в президенты, как Евгений Максимович Примаков, а в сентябре нельзя было игнорировать факт его существования. Я очень хорошо понимаю, что, если выборы будут в июне 2000 года, то эта шахматная доска может еще пару раз обернуться.

Е. Киселев: Возвращаясь к тому разговору, свидетелями которого, конечно же, мы не могли быть, и который, как утверждают знающие люди, был напряженный, долгий, эмоциональный. (Возможно даже, что Ельцин потом опять попал в больницу - это результат того, что он перенервничал, что у него был некий эмоциональный нервный стресс). Есть версия, что на столе у Ельцина оказалась публикация в «Независимой Газете» (в четверг вышла большая статья), в которой, без прямого упоминания имен первого вице-премьера Маслюкова и вице-премьера Кулика, тем не менее, говорилось об их причастности к коррупции. Как Вы относитесь к этой версии, если вспомнить Ваш собственный опыт. Мог Ельцин, будучи проинформирован о содержании статьи в «Независимой Газете», поставить в беседе с Примаковым вопрос об отставке этих конкретных членов правительства.

Е. Гайдар: Во-первых, всегда в разговоре с Борисом Николаевичем есть два слоя: первое, что он говорит, а второе - что он на самом деле имеет в виду. Поводом для разговора может быть статья в газете, но очень редко причиной. Да, проблема коррупции в правительстве очень серьезная, но это не первая статья в газете, где об этом пишется. И не в первый раз Ельцин об этом услышал.

Е. Киселев: Фактически то, что написано в «Независимой» - более подробное изложение того, что тезисно говорил Явлинский.

Е. Гайдар: На самом деле по этому поводу много и справедливо говорили, что вызывает самую серьезную озабоченность. Тем не менее, так, чтобы президент взял, прочитал статью в газете, после этого вызвал к себе премьера и сказал: «Давай-ка, мы с тобой расстанемся! Или давай, ты выгонишь основных своих заместителей!» - это совершенно не в стилистике президента. Есть гораздо более подспудные вещи. Он готовится к подобного рода решениям. Да, он думает, он читает, на него могут влиять, его могут в чем-то убеждать, но это, скорее всего, не спонтанно. Я убежден, что ему очень многое не нравится в том, что делает правительство, я убежден, что он следит за публикациями в прессе, для него, разумеется, не секрет, что буксуют переговоры с МВФ, и что это опасно... Но еще раз подчеркиваю: думаю, что сегодня, когда он во многом после сентября отстранился от текущего руководства социально-экономической политикой и как бы сказал правительству, которое получило

поддержку Думы: «Действуйте!», думаю, что сегодня его гораздо больше волнуют вопросы политической перспективы, чем сиюминутные, даже важные, экономические перипетии.

Е. Киселев: А все-таки. Другая версия, многим кажущаяся достаточно серьезной. Идут сложные переговоры с МВФ, буксуют. Однако правительство, устами все того же Маслюкова или министра экономики Шаповальянца, периодически рапортует, что, если не сейчас, то к концу марта кредиты будут предоставлены. И вдруг выясняется, что это далеко не так. Что правительство рапортует о несколько больших успехах, чем на самом деле. Не могло быть такого, что Ельцин почувствовал себя обманутым или дезинформированным? Ведь Тэлбот во время своих встреч с различными представителями в Москве сказал, что, на самом деле, все очень сложно, все очень серьезно, и никто денег давать не собирается.

Е. Гайдар: Это тоже не новость. Правительство рапортует, что вот-вот будет радикальный прогресс на переговорах с Фондом на протяжении последних четырех месяцев. Переговоры ведутся, на мой взгляд, крайне неумело. Это тоже правда, но тоже не новость! Это было и в ноябре, это было в декабре, это было в феврале, сейчас это в марте, и, я не исключаю, что еще раз повторится. Повод - да! Повод высказать свое «Фе» правительству, что «не все у вас получается» - да. Повод для принятия серьезных, принципиальных, политических решений, для столь длинного и непростого разговора? Не укладывается это в мое представление о том, что сегодня всерьез волнует Бориса Николаевича Ельцина.

Е. Киселев: Еще одна версия, что Примаковым были приняты некие кадровые решения (они не называются, но ходит такой слух), на которые он формально имел право и не должен был согласовывать их в Кремле, но, по существующей неписаной этике номенклатурных взаимоотношений, ему как-то надо было заранее поставить президента в известность. Могло быть такое? Является ли это, по-вашему, для Ельцина это тяжелым нарушением?

Е. Гайдар: Какие-то принципиальные вещи - да! Я убежден, когда Виктор Степанович Черномырдин, не поставив об этом в известность Ельцина, в январе 1998 года радикально перераспределил полномочия в своем кабинете, сконцентрировав всю реальную власть в своих руках и сделав вице-премьеров фигурами декоративными, это был тот шаг, после которого, мне было ясно, что отношения их с Борисом Николаевичем существенно осложнятся. Но речь шла о принципиальных вещах. Там действительно решался вопрос о власти. Если бы сейчас Примаков принял бы, не посоветовавшись с Ельциным, решения по принципиальным кадровым вопросам, которые явно обозначают, «кто в доме хозяин», у кого реальная власть в стране, тогда бы я согласился с этой версией. Но этого в общем не было. Еще раз подчеркиваю. Ельцин сегодня человек не молодой и не очень здоровый. Он не очень входит в детали текущих дел в правлении правительства.

Е. Киселев: Не входит или не любит входить?

Е. Гайдар: Не входит. В общем, мне это в нем всегда нравилось и нравится. Сегодня, мне кажется, он в гораздо большей степени озабочен следующими вещами:

а) в целом своим отношением к правительству Примакова, необходимостью или отсутствием необходимости его поддерживать, сохранять. Я думаю, что здесь здравый смысл подсказывает ему, вне зависимости от того, как оценивать экономическую политику правительства Примакова, это существенный фактор политической стабильности. Еще раз подчеркиваю - мы не голосовали за Примакова, мы не поддерживаем Примакова, мы находимся в оппозиции к Примакова, я, в данном случае, излагаю свою версию того, как я вижу позицию президента.

б) Если правительство Примакова это некая данность. И это существенный фактор на политической сцене, у него большая полнота власти. Кто решает вопрос о преемнике Ельцина в 2000 году? (Решает народ, естественно же!). А кто из политиков оказывает наиболее серьезное влияние на выбор, на принятие этого решения? Я глубоко убежден, что этот вопрос волнует его сегодня куда больше, чем вопрос о том, кого из замминистров назначили или сняли в правительстве, какие перипетии неудачных переговоров с Международным валютным фондом были за последние три дня или даже о том, какая статья появилась в последнем номере «Независимой Газеты».

Е. Киселев: А кумулятивный эффект не может произойти?

Е. Гайдар: Да, но это вопрос - кто в доме «хозяин». Ельцин явно сознательно отстранился от социально-экономической политики. Он не мешает правительству проводить свой курс в социально-экономической политике. Это понятное решение. Он отдал власть в этой области 3 августа 1998 года, отправив в отставку правительство Кириенко, после этого предложив ее Примакову, которого поддержало думское большинство. Тяжелое для него решение. Но он никогда не отдавал власть президента в той сфере, которая традиционно не является в России правительственной. Не являлась таковой ни при царе, ни при советской власти, ни при молодой российской демократии. Все, что связано с силовыми структурами, с обороной, с принципиальными вопросами внешней политики, СМИ.

Е. Киселев: Как вы думаете. Президент в каком-то смысле посвятил всю свою карьеру на посту главы российского государства тому, чтобы коммунисты больше не вернулись к власти. Фактически в сентябре, когда возникло правительство Примакова, поддержанное коммунистическим большинством в Думе, коммунисты вернулись к власти. Они стали правящей партией.

Е. Гайдар: Совершенно правильно.

Е. Киселев: А Ельцин способен пережить это? Ведь это перечеркивает то, к чему он стремился, ради чего он работал, во что он верил.

Е. Гайдар: Я думаю, что это для него очень и очень тяжелый элемент реальности. Я думаю, что его отношение к действующему кабинету, без всякого сомнения, строится с учетом этого фактора. Да, коммунисты, КПРФ, сегодня правящая партия, в огромной степени влияющая на социально-экономическое положение в стране. Кстати говоря, если всерьез, то на протяжении всех последних лет роль КПРФ в управлении страной была очень серьезной. Они не хотят это признать. Влияние было огромным, просто ответственности на них было меньше. Сейчас у них огромная и очень серьезная власть и ответственность. Я абсолютно убежден, что Ельцину это не нравится. Но это другой вопрос. Пока они члены правящей коалиции. Ведь он боролся не за то, чтобы КПРФ никогда не была членом правящей коалиции, не в этом была суть того, что он хотел сделать. Он боролся за то, чтобы у нас никогда больше не было коммунистического тоталитарного режима. У нас сегодня КПРФ действительно существенный элемент власти, но пока «играет по демократическим правилам». Для Ельцина, мне кажется, принципиальный вопрос итогов всей его политической борьбы и жизни - это вопрос, не возникнет ли после него не правительство с участием коммунистов, а коммунистический режим. Согласитесь, все-таки Ельцин - это человек, при котором демократия в России (очень слабенькая, очень уязвимая и несовершенная) живет неизмеримо больше, чем при ком-то другом. И для него это был удар.

Е. Киселев: Скажите, с учетом всего того, что Вы сейчас сказали, зная Ельцина, что он «тот медведь, который второго медведя в берлоге не потерпит», что он не любит «политических тяжеловесов» рядом с собой... Возможна ли ситуация, когда он, руководствуясь многими соображениями, о которых мы упомянули, все-таки примет решение отправить в отставку правительство Примакова?

Е. Гайдар: Я не считаю это вероятным. Я не считаю, что это вероятно, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Вместе с тем я абсолютно не считаю это исключенным. И еще раз, на мой взгляд, принципиальный вопрос для него - а к чему это правительство всерьез ведет? Пока у него будет убеждение, что оно ведет к демократическим выборам 2000 года, в рамках которого российский народ будет иметь шанс выбрать себе нормальное демократическое будущее, думаю, шансы на то, что он сохранит это правительство, будут высоки.

Е. Киселев: Ну, а если, не дай Бог, какая-то экономическая катастрофа?

Е. Гайдар: За экономическую катастрофу у нас всегда отвечает правительство. Правительство всегда в России отвечало за экономику (не царь и не генеральный секретарь). Я совершенно не хочу никакой экономической катастрофы, но совершенно ясно, что этот кабинет ее полноценно не переживет.

Е. Киселев: Ну, а Примаков как премьер? У нас же были случаи, когда в таких ситуациях премьер оставался у руля.

Е. Гайдар: Бывало такое. Не хотелось бы гадать. Но даже катастрофы для этого не надо. Когда у нас с Вами средняя зарплата в бюджетной сфере за последние полгода сократилась вдвое (в реальном исчислении по официальной статистике), и средняя пенсия тоже сократилась вдвое, то какая уж еще нужна дополнительная катастрофа? К тому же они продолжают сокращаться, и я не вижу, чтобы правительство собиралось что-нибудь делать. Шансы на то, что экономическая часть кабинета, если дела и дальше пойдут так, будет обновлена существенно выше, чем шансы на отставку самого Примакова.

Е. Киселев: Допустим, что правительство останется, Примаков останется, дойдет дело до парламентских выборов, цена которых безумно высока. Особенно, если произойдет то, о чем на минувшей неделе говорил Селезнев, что «мы хотим добиться, чтобы следующее правительство после выборов формировалось на основе парламентского большинства. Оной партии или коалиции, которая наберет наибольшее количество голосов.» Возможна такая ситуация, тогда не дожить нынешнему правительству до 2000 года, если совершенно другие партии придут к власти!

Е. Гайдар: Надо сказать, что ключевой вопрос о том, как сложится президентская кампания, это вопрос о том, кто будет возглавлять правительство в феврале 2000 года. А этот вопрос напрямую зависит от исхода парламентских выборов 1999 года. Я с Вами совершенно согласен, что это выборы, значение которых для дальнейшего развития событий в России трудно переоценить.

Е. Киселев: А у Вас есть какие-то предварительные прогнозы?

Е. Гайдар: Сейчас масса сложных маневров вокруг различных блоков. Я думаю, что всерьез ближе к выборам произойдут консолидации, и на выборы в любом варианте пойдут несколько сил. Это коммунисты (возможно в разных номинациях). Пойдет так, или иначе блок Юрия Михайловича Лужкова. Пойдет Григорий Алексеевич Явлинский с «Яблоком». Весьма вероятно, пойдет какой-то блок выстроенный неявно под Примакова, хотя я буду крайне удивлен, если он с ним открыто идентифицируется (это для него крайне опасный шаг). Пойдет Жириновский - будет бороться за свои 5% маргинального электората, и пойдет «Правое дело». Вот, основные силы, которые будут участвовать в выборах. Коммунисты, я думаю, на следующих выборах, разумеется, сохранят большую фракцию, но не сохранят контроля над Думой. Коммунистов будет меньше. Я практически в этом уверен. Первое - они неизбежно несут ответственность за правительство, которое они сформировали, которое поддерживают (результаты которого, мягко говоря, не впечатляющи).

Второе - происходит разочарование традиционного коммунистического электората в своих лидерах. Да и нынешняя ситуация в Думе была связана с огромным разделением голосов демократического спектра. Поэтому, коммунисты, получив 22% голосов на выборах, получили 49% мест в Думе. Для Лужкова, мне кажется, выборы будут достаточно серьезным риском.

Юрий Михайлович, возглавляющий список, рискует повторить судьбу Виктора Степановича Черномырдина, что не очень хорошо в канун президентских выборов (получить 10% голосов).

Е. Киселев: Вы допускаете, что Лужков не пойдет с «Отечеством» на парламентские выборы? Именно для того, чтобы не рисковать, не выступить неудачником на президентских.

Е. Гайдар: Когда и выбросить жалко и держать трудно! Не возглавлять «Отечество», то оно получит совсем слабый результат.

Е. Киселев: А если «Отечество» совсем не идет?

Е. Гайдар: С точки зрения Лужкова, как кандидата в президента, это, наверное, самая разумная и самая сильная стратегия. Но когда уже создали эту организацию, у которой масса своих интересов, амбиций, завязано во многом окружение Юрия Михайловича Лужкова, принять такое решение очень непросто. Разумеется, он очень здорово поменял бы ситуацию, но ее очень трудно поменять.

Е. Киселев: А кто бы от этого решения выиграл?

Е. Гайдар: Я думаю, что от этого решения бы в первую очередь выиграл тот или иной неявный блок, выстроенный под Евгения Максимовича Примакова. Если такое произойдет.

Е. Киселев: А если не произойдет?

Е. Гайдар: Если это не произойдет, то, на самом деле, партия власти окажется в полном объеме дезорганизованной и, соответственно, ее элементы отойдут к идеологическим партиям. У нас «идеологические» партии это: КПРФ, «Яблоко» (в определенной степени) и «Правое дело». Вот партии, применительно к которым можно сказать, за что они выступают. Если «партия власти», то про нее можно сказать, что она выступает за власть, за тех, кто в данный момент находится у власти. Если партия власти будет совсем дезорганизована, то ее голоса разойдутся по идеологическим партиям.

Е. Киселев: А Вы не назвали Лебеда с какой-то партией.

Е. Гайдар: Дело в том, что я не знаю, будет ли Лебедь участвовать в выборах. Все, что я сказал применительно к Лужкову, в полном объеме, причем в большей степени относится к Лебедю. Если для Лужкова сейчас вопрос о том, что «Отечество» во главе с ним может не получить слишком убедительных результатов, что ослабит его позиции на президентских выборах, то для Лебеда, при его нынешних проблемах в Красноярске, есть шанс, что, возглавляемый им блок, просто получит крайне разочаровывающие результаты, что просто «похоронит» его как федерального политика.

Е. Киселев: Тем более, что у Лебеда есть отрицательный опыт прошлых выборов. КРО проиграл, и это несомненно отбросило тень на президентскую компанию.

Е. Гайдар: Без сомнения!

Е. Киселев: Ну а собственные шансы, «Правого дела», как Вы оцениваете?

Е. Гайдар: Я думаю, что у нас очень приличные шансы добиться формирования либеральной фракции в следующей Думе. Все-таки уроки выборов 1995 года люди наконец научатся извлекать. Страшное дробление демократических голосов, которых вместе было больше, чем у «Яблока», но они все оказались нереализованными, именно в силу того, что шли отдельно, и отошли коммунистам, «Яблоку» и НДР, - это серьезный урок. И, мне кажется, что политики нашей части спектра из этого урока сумели извлечь некоторые выводы. Я думаю шансы получить достаточно сильную депутатскую группу у нас, без сомнения, есть.